

Димитр Пеев (София, Болгария)

ТРУД ПО ВОПРОСАМ РУССКОЙ ХРОНОГРАФИИ

Евгений Г. Водолазкин. *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков)*. (= Sagners slavistische Sammlung. Herausgegeben von Peter Rehder. Bd. 26). Verlag Otto Sagner. München, 2000. 403 S.

Книга Евгения Германовича Водолазкина¹ является первым в славистике опытом теоретического осмысления исторических сочинений Древней Руси. На основе текстологических изысканий, накопленных предшествующими поколениями, автор уточняет объем понятия „всемирная история“ и дефинирует его как описание мировой истории (библейской, римской и византийской до середины X в.) во фрагментах, не имеющих между собой причинно-следственной связи. В аксеологической системе средневекового человека это являлось проявлением Промысла Божья о спасении рода человеческого. В этом плане важно уточнение, что история спасения „была лишь основой“, а не „исключительным предметом повествования“ (с. 18). Автор размежевывает основные типы исторического повествования и выводит основные принципы составления хронографических и палейных компиляций на средневековом славянском востоке. Формально в книге Е. Г. Водолазкина

можно выделить три основных частей. Условно назовем их теоретической (с. 7–161), текстологической (с. 163–251) и приложения (с. 253–378).

В первой части автор закладывает теоретическую рамку исследования и уточняет терминологический аппарат. Рассматривая жанровую специфику исторических сочинений, он проводит любопытные параллели между особенностями исторического повествования в средневековой Европе и на Руси. Автор выделяет три типа повествования: летописный, хронографический и палейный. Наметив взаимные влияния между двумя последними, он ставит перед собой задачу очертить историю ранней русской хронографии (XI–XV вв.) в сличении с ее западноевропейскими аналогами, главной особенностью которой является отсутствие национальной русской истории и в ней. Основной целью своего исследования Е. Г. Водолазкин видит в представлении спектра историографических сочинений в рамках оппозиции историография – экзегеза. В последнем разделе введения „Материал, задачи и структура исследования“ (с. 25–33) представлена общая картина извороведческих источников исследования. Ограничиваясь истоками Русского хронографа, автор берет за основу произведения, восходящие к „гипотетическому Хронографу по Великому Изложению“ (далее ХВИ) (с. 25–26), и гипотетической восста-

¹ См. рецензии на труд Е. Г. Водолазкина: М е д в е д е в, И. П. Заметки на полях одной недавно опубликованной книги. – В: Византийские очерки (Труды российских ученых к XX международному конгрессу византинистов). СПб., 2001, 39–44; S t r u m, G. Vodolazkin, E. G. Vsemirnaja istorija v literature Drevnej Rusi. – Zeitschrift für Slavistik, 46, 2001, № 4, 473–474.

новке О. В. Творогова состава этого хронографа. Здесь необходимо отметить, что для объяснения вариативности в составе произведений, восходящих к ХВИ, О. В. Творогову пришлось предположить три гипотетических редакций этого памятника и обзавести их „конвеем“ (термин О. В. Творогова), из которого составитель привлекал тексты, когда в этом было надобности. Таким образом, самые ранние в типологическом отношении хронографы, как Еллинский Летописец – 1 редакции (далее ЕЛ–1) и Архивский хронограф (далее Арх.), оказались обделенными вниманием Е. Г. Водолазкиным. Здесь же отмечается значение Хроники Георгия Амартола (далее ХГА) для истории русской хронографии, чему посвящен отдельный раздел во второй части книги. Следует краткий обзор состава Толковой палеи. Мимоходом затронут вопрос о происхождении хроники Амартола и Палеи, но поскольку генезис не является предметом исследования в монографии, автор не вдается в подробности этого полемического вопроса. Заканчивается Введение важным уточнением, что „структура работы в значительной мере ориентируется на монографию О. В. Творогова „Древнерусские хронографы“ (Л., 1975), в которой разработана удачная композиция исследования по историографии“.

Глава „Историография как богословие“ (с. 35–123) посвящена отношениям национальной истории с историей всемирной. Текстологическими выкладками автор доказывает влияние ХГА на Несторову летопись. Летописец хорошо знал ХГА и использовал ее при описании выдающихся лиц и событий национальной истории. На основе идейного и текстологического анализа Повести временных лет (далее ПВЛ) автор приходит к выводу о полном типологическом сходстве между летописным и хронографическим повествованием. Он отвергает идею А. А. Шахматова о влиянии политических события конкретно описываемого периода на повествование летописца, так как летописец объясняет факты политической истории провиденциально, т.е. инструментами богословия, а не

логически. Сам Е. Г. Водолазкин отмечает, что это не проблема объяснения, а проблема сознания, но поскольку летописание происходило в монастырях, то оно являлось скорее богословием, нежели „политикой“. Однако, на мой взгляд, этот вопрос требует уточнения. Во первых, следовало бы провести четкую грань между „политичностью“, о которой речь идет в Заключении (с. 249) и политикой в смысле отражения реальных политический событий Средневековья. Конечно, летопись политичностью не отличалась, поскольку это понятие современности, но она отражала реально произошедшие события политической и экономической жизни русского средневекового общества. Во вторых, в Средние века политика была пропитана идеей о боге и часто богословские проблемы становились политическими и наоборот. В этом плане возникает вопрос стоит ли разделять летописи от политических идей конкретного времени и безоговорочно отождествлять их с хронографами. Исторические сочинения прямо или косвенно всегда отражали идеи о власти и управлении, к примеру, ХГА отражала христианскую концепцию власти, отображенную в мировосприятии византийца IX–X вв. В связи с высказанными соображениями, предлагаю объяснение, на мой взгляд, более близкое к фактическому состоянию вещей. С принятием христианства вышеупомянутые византийские идеи о власти перешли на Русь, но их нельзя было применить к русской управленческой практике. На Руси правил род, а в Византии – император. Именно поэтому и отсчет в русских летописях шел по годам, а не по владетелям, как в Византии, т.е. как в ХГА, что и помешало соединению летописи с хронографом в описываемый период. С одной стороны монах-летописец, воспитанный в православной христианской традиции видел эти различия и не смел соединить во единое обе части исторического повествования – национальную и мировую, а с другой не было такой институции власти, которая бы могла этого с него потребовать. И совсем естественно, что это соединение произошло

только тогда, когда появилась сильная, централизованная институция единого государства, которая нуждалась в исторической идеологии. Этот вопрос, однако, для Е. Г. Водолазкина не стоит с той остротой, с какою он стоял в исследованиях начала XX в., в его исследовании типологическая связь важнее генетической и таким образом хронография и летописание становятся единым целым, а для их физического соединения потребовались „особые условия“, которые выражались в объединении русских земель и конечно же идеей „Москва – III Рим“, легшая в основу русской имперской парадигмы.

Трудно согласиться с утверждением, что историографию можно рассматривать как богословие (с. 54–55). Создается впечатление, что автор называет богословием то, что в трудах академика Шахматова называется риторикой. И поскольку выписки из Амартола в Летописях никак нельзя отождествить с богословием, то чутье А. А. Шахматова подсказало ему более точный, и с научной точки зрения более нейтральный термин. Термин „богословие“ у Е. Г. Водолазкина вызван спецификой ХГА – это монашеская хроника, но в данном случае нужно очень четко оговорить, что следует понимать под богословием, так как летопись относилась к богословию точно так же как и остальные ветви средневекового знания и в этом отношении все их проявления, в том числе и история летописная – явления одного порядка, в то время как богословие отстоит порядком выше, особенно если иметь в виду, что в самых ранних редакциях ПВЛ вставок из ХГА не было². В данном случае не следует опускать из виду, что летопись, в отличие от хронографа, не теряла живую связь с реальными событиями. В этом плане нельзя согласиться и с мыслью, что нет взаимодействия между средневековой политикой и историографией, особенно летописанием.

² Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 6.

Анализируя структуру хронографов и отношение хронистов к источникам, автор рассматривает фрагмент как структурную единицу хронографа и различает два типа фрагментов – „царствование“ и „единицу текста“. Первый типологически совпадает со структурной единицей летописи – „годом“, а второй может совпадать с первым, но может заключать в себе и какую-то цельную историю, не имеющую каузальной связи с общей канвой повествования. Как отмечает сам Е. Г. Водолазкин, для средневекового хрониста не существовали понятия „историчность“ и „неисторичность“, поскольку для средневекового сознания – сознания мифологического, все являлось историчным и стоило включения в рамки хронографа. Здесь же „восстанавливаемый с большой степенью вероятности“ ХВИ, легший в основу русского летописания, назван вершиной жанра, что с логической точки зрения выглядит довольно странно, особенно имея в виду, что ХВИ в какой-то мере является списком-фантомом. Пытаясь объяснить эту странность русской хронографии, автор делает обзор возможных причин и отвергая гипотезы о мастерстве составителя ХВИ и о болгарских истоках русского хронографа, присоединяется к мнению Я. Н. Любарского о двух направлениях в византийской хронистике – к жесткой хронологизации событий и к повествовательности, которые, согласно Е. Г. Водолазкину, нашли отражение и в русской хронографии. По этому принципу основные памятники русской хронографии разделяются на две, с одной стороны – ХВИ, хронографические палеи и Софийский хронограф, а с другой – Летописец Еллинский и Римский обеих редакций и Троицкий хронограф (далее ТХ). Таким образом получают две классификации – генетическая, где, с одной стороны, мы видим ранние русские хронографы: ЕЛ–1 и Арх., а с другой – ХВИ и восходящие к нему Еллинский Летописец второй редакции (далее ЕЛ–2), ТХ, хронографические палеи и т.д., и вышеизложенная, дифференциальным признаком которой является отношение к источникам. Такая картина

выглядит маловероятной и излишне усложненной. В данном разделе прослеживается явная тенденция к сближению истории и богословия за счет собственно истории, что тоже выглядит не достаточно убедительным. Так например трудно согласиться с утверждением, что „при переходе к новому времени ... предмет его (хронографа – Д. П.) повествования становится исключительным достоянием богословия“, лишь на том основании, что и хронография и богословие используют притчу и притчеподобную историю в качестве структурной единицы повествования (с. 73).

В главе „Времяисчисление русской хронографии“ (с. 63–77) даны две хронологические системы, встречающиеся в русских хронографах – абсолютная и относительная. Вторая, являющаяся основным способом датирования в Византийских хрониках, широко представлена и в русских хронографах, в то время как первая широко застужена лишь в некоторых памятниках типа ЕЛ–2 и Краткой и Полной Хронографических Палей. Автор утверждает, что абсолютный тип датирования был развит на русской почве, что ставит перечисленные выше памятники ступенью позже, нежели остальные, рассматриваемые в монографии. Особено интересен в этом отношении взгляд на пророчества, как на способ преодоления времени.

За хронографами автор переходит к Палею. Толковую Палею (далее ТП) он рассматривает как произведение незаконченное и объясняет это типологическим методом экзегезы, на котором построена ТП, т.е. она построена на типологических парах сравнения событий старозаветных с событиями новозаветными. Чем дальше шло повествование, тем меньше было типологических пар. По мнению автора „ТП прервалась тогда, когда типологический метод исчерпал свой материал“ (с. 107). Идея исчерпания сравнительного материала, как объяснение конца ТП не вполне понятна и требует более детального уточнения. Создается впечатление о каком-то списке, содержащем типологические пары ТП, из которого составитель

брал материал, и когда он исчерпался, прервалась и ТП.

Особо оговаривается вопрос о полемичности ТП, является ли реальным обращение к „гипотетическому жидовину“? Е. Г. Водолазкин отвечает на этот вопрос отрицательно. Он рассматривает мнимую полемичность ТП как жанровый похват построения апологии. Это является одним из методологических преимуществ, предложенного в данной монографии анализа ТП.

Завершается общий очерк о бытовании всемирной истории на Руси анализом, условно говоря, „естественнонаучной“ сферы в средневековой историографии. Автор рассматривает влияние Шестоднева Иоанна Экзарха и Физиолога на исторические сочинения Древней Руси и в частности на ТП. С другой стороны он указывает на значение самой ТП для последующей традиции и на зыбкость грани между историографией и экзегезой в русле палеинного повествования.

В главе „Хронология русской хронографии“ (с. 125–161) уделено внимание хронологическим рамкам исторического повествования, принципам хронологизации и отсчета времени, соотношению событий. Особо выделен Летописец вскоре (далее ЛВ) константинопольского патриарха Никифора. После подробного рассмотрения редакций греческого текста этого памятника и их отражений на славянской почве автор приходит к выводу, что расчеты относительной хронологии в ЛВ „играли роль скреп, соединявших разные эпохи и утверждавших взаимосвязь событий – не столько временную, сколько мистическую“ (с. 138), что вполне подходит той провиденциально-мистической рамке в которой он рассматривает исторические сочинения Древней Руси. Автор не затрагивает вопрос о возможных датирующих функциях ЛВ, на которые указывали Самодурова, Щапов и др.³, поскольку, это,

³ В частности П. Янева (Я н е в а, П. За изворите на летописецъ възрѣтъцѣ в Изборника 1073. – *Palaeobulgarica*, 1987, № 3, 98–104) и М. В. Бибииков (Б и б и к о в, М. В. Византий-

по заданной самим автором схеме, выходит за рамки общей типологии жанра. Так же не затрагивается вопрос о месте ЛВ в структуре хронографов. Отдельными статьями рассмотрены абсолютные даты русской хронографии и эры, встречающиеся в средневековом историческом повествовании. В разделе „Дополнительные элементы времяисчисления“ (с. 156) рассмотрены индикт, вруцелето и круг луны.

Заканчивая свои заметки по первой части книги Е. Г. Водолазкина, позволю себе указать на некоторые, на мой взгляд, методологические неточности. Задаваясь задачей выявить типологию всемирной истории на Руси, автор совершенно пренебрегает вопросами генеалогии больших хронографических компиляций, что, соответственно, приводит к известной односторонности его заключений. Основываясь полностью на трудах В. М. Истрина и О. В. Творогова, он пытается построить картину ранней русской хронографии, не учитывая тех особенностей ее, указывающих на связь с ранними славянскими переводами и компиляциями. Например, по отношению к ТП, это исследование К. Истомина, А. Карнеева, Н. Никольского, М. Соколова и др.⁴ Только мнение А. А. Шахматова упоминается вскользь

ский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996), исследовавшие византийские источники Изборника 1073 г. См. также: С а м о д у р о в а, З. Г. К вопросу о малых византийских хрониках. – Византийский временник, 21, 1962, 127–147; Щ а п о в, Я. Византийские хронографические сочинения в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. – В: Летописи и хроники. М., 1976, 230–263.

⁴ И с т о м и н, К. К вопросу о редакциях Толковой Палеи. – ИОРЯС, 10, 1905, № 1, 147–184; 11, 1906, № 1, 337–374; К а р н е в, А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы. – ЖМНП, 237, 1900, 332–366; Н и к о л ь с к и й, Н. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892; С о к о л о в, М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888, 73–211.

на с. 31, но оно не может заполнить недостающее направление в монографии. Его отсутствие указывает на определенную тенденциозность в исследовании Е. Г. Водолазкина. Но рассмотрение точки зрения иной, явно, не входило в задачи автора.

Открывается вторая часть разделом „Хроника Георгия Амартола – основной источник русской хронографии“ (с. 163–185). Здесь рассмотрены отношения между ХГА и ее отражениями в основных типах хронографов – в восстановке ХВИ, ТХ, Полной Хронографической Палеи, ЕЛ-Вводной части, ЕЛ-1, ЕЛ-2, Арх. и Софийском хронографах. Читая раздел о влиянии ХГА на ХВИ (с. 166–172), возникает ощущение, что гипотетически восстанавливаемый ХВИ лежал на столе у Е. Г. Водолазкина.

Несмотря на вдумчивое чтение, некоторые места в книге для меня остались непонятными. На с. 174–175 читаем следующий текст:

„Вместе с тем, следует упомянуть об изменениях, внесенных в выписки о Вселенских соборах (кроме 1-го: возможно, обстоятельство, с которой этот собор освещен у Амартола, побудила составителя ПП (Полной Хронографической Палеи – Д. П.) отказать от дополнений). Текст хроники распространен и дополнен на основе неизвестного памятника, входившего, вероятно, в широкий круг сочинений о Вселенских соборах. Очевидно, что текст ПП о соборах – составленная в процессе ее (палеи) создания компиляция, в основе которой лежали ХГА и неизвестный источник. Текст Амартола в ПП повторяет все особенности аналогичных фрагментов ТХ, из чего следует, что ХГА использована в редакции ХВИ.

Характеризуя текстальные особенности ПП во фрагментах о соборах, можно выделить в них несколько типов. Все фрагменты включают добавления фактического характера, например: „Бяху же въ сборе архиереи святых отецъ 232, святители, слуг, к сим же иночествующих 36, всех же 318“ (РНБ, собр. Погодина, № 1435, л. 426). Помимо этого прибавлены уточнения, относящиеся к местам пат-

риаршества или епископства участников собора, их положению и т.п.:

Троицкий хронограф

При сем 5 сборъ бысть въ лѣто царствия его 20 и 6-е во Цариградѣ, отецъ 165 при папѣ Велигии. И бяху старѣишины собору правей вѣрѣ Ивтеухии Царяграда, Апоринариа Александръскыи и Домънии Антиохийскыи, Стефан, епископъ Тивериадскаго града, и Дамианъ, епископъ Созопольскыи, мѣстосмотрѣнницы же Евѣтухия Ерусалимьскаго, на Оргена и его предания нечестивая примшимъ. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728, лл. 375–375 об.)

Полная Палея

При сем Устианѣ Велицѣмъ сборъ бысть 5 въ 26 лѣто царствия его, събрашася в Цариградѣ святыхъ отецъ 165. Емуже бѣша старѣишины: Велегии, папа римскыи, Евтихии, патриархъ Царяграда, держай намѣстие Евегилия, папы римскаго, Антиохийскыи и Стефан, архиепископъ Тивериадскаго града, и Дамианъ, епископъ Созопольскыи, мѣстосмотрѣнницы же Еутихия Иерусалимьскаго на ересу на Оригина и на приемшая того предание нечестиваа. (РНБ, собр. Погодина, № 1435, лл. 431 об.– 432)“

Для сравнения приведу то же место из ХГА по изданию В. М. Истрина и греческий текст по изданию Де Боора:

Пѣтыи же сборъ ѿ рѣ и ѿ ѿ ѿ ѿ стѣхъ
ѿцѣхъ въ в лѣтѣ ѿкс-е цѣтвѣдѣ великаго
Июстиана при Вилигнѣи, стго палежа
Римскаго, грамотоу пославъ,
правоу въроу истовствоуоуоу. иже
вахоу старѣишины Евѣтоуѣи,
Костантина града патриархъ,
Аполинариѣ Александръскыи и Домниѣ
Антиохийскыи, Стефанъ епкпъ
Рафаискыи, Геврѣи епкпъ
Тивериадскаго града, и Дамианъ
еппъ Созопольскыи,

мѣстосмотрѣнницы же Евѣтоуѣи
Иерлѣмьскаго, на Вригена и его
нечѣстиваа преданѣи примшимъ
Дадима и Евкагриѣ ...⁵

Πέμπτη σύνοδος γέγονεν ἐν
Κωνσταντινουπόλει ρξε' ἁγίων
πατέρων ἔτει τῆς Ἰουστινιανοῦ
τοῦ μεγάλου βασιλείας κς' ἐπὶ
Βιγιλίου τοῦ ἁγιωτάτου πάπα
Ῥώμης διὰ λιβέλλου τὴν ὀρθὴν
πίστιν κυροῦντος, ἧς ἡγοῦντο
Εὐτύχιος Κωνσταντινουπόλεως,
Ἀπολινάριος Ἀλεξανδρείας,
Δόμνος Ἀντιοχείας, Στέφανος
ἐπίσκοπος Ῥαφείας, Γεώργιος
ἐπίσκοπος τῆς Τιβεριωτῶν πόλεως
καὶ Δαμιανὸς ἐπίσκοπος
Σωζοπόλεως, τοποτηρηταὶ
Εὐτυχίου Ἱεροσολύμων, κατὰ
Ῥιγίενους καὶ τῶν τὰ ἐκείνου
ἀσεβῆ δόγματα διαδεξαμένων
Διδύμου καὶ Εὐαγρίου...⁶

Разницу в обоих отрывках из ТХ и ПП можно объяснить скорее лучшей сохранностью текста в ПП, нежели редакторским добавлением, поскольку все добавления, о которых говорит Е. Г. Водолазкин, содержатся и в греческом тексте ХГА, и в издании В. М. Истрина. И в данном случае идея о „неизвестном источнике“, на основе которого была дополнена ПП, выглядит малообоснованной. Конечно, пример этот недостаточен, чтобы на нем делать целые заключения об отношениях ХГА, ПП и „неизвестного источника“, но он выбран не совсем удачно и требует дальнейшего уточнения.

В этом отношении интересен и следующий фрагмент из ПП, приведенный несколькими строками ниже на той же странице. Фрагмент служит иллюстрацией дополнений „самого различного свойства, как правило, не нарушающих порядок из-

⁵ И с т р и н, В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Текст. Петроград, 1920, с. 412.

⁶ Д е В о о г, С. Georgii Monachi chronicon. Vol. 1. Lipsiae, 1904, p. 629.

ложения ХГА“ (с. 175.). Приведем параллельно фрагмент из книги Е. Г. Водолазкина и текст по изданию Де Боора:

Полная Палея

Древле изискавшим и изложившим и на положены на них главизны, в нихже блядяху бо нечистыа напасти глаголюща преже бывшимъ створены душаъм телесъ от елинскихъ сущеучении изводяще закон, и паки вмѣшение славяще душевное, ни конецъ есть будущъ муцѣ, яко и телесъм нашим не въстати в тыа въскресение. (с. 175–176)

τῶν πάλαι ἀκμασάντων καὶ τῶν ἐκτεθέντων παρ' αὐτοῖς κεφαλαίων, ἐν οἷς ἐληρώδουν προὔπαρχειν τὰς ψυχὰς τῶν σωμάτων, ἐξ Ἑλληνικῶν ὀρμώμενοι δογμάτων τὴν μετεψύχωσιν δοξάζοντες, καὶ τέλος εἶναι τῆς κολάσεως, καὶ τὰ σώματα ἡμῶν μὴ ἀνίστασθαι τὰ αὐτὰ ἐν τῇ ἀναστάσει...⁷

На самом деле, этот фрагмент отличается в некоторых местах от текста ХГА в издании В. М. Истрина и выглядит привидно дополненным, но он полностью совпадает с греческим текстом Хроники. Возникает вопрос не использовал ли составитель ПП более сохранный текст Амартола, чем В. М. Истрин в своем издании? И в том, и в другом случае сравнение с греческим текстом было бы гораздо более полезным и в плане текстологии, и в плане типологии.

В разделе „Естественнонаучное“. Сверхъестественное. Провиденциальное“ (с. 187–245) обсуждается ряд частных проблем, в той или иной степени, связанных с памятниками, рассматриваемыми в монографии. Взглядом знатока автор проводит нас по темам отраслям средневекового знания, которых, хотя и с некоторой степенью условности, можно соотнести с естественнонаучным. Очень полезны его

текстологические изыскания, касающиеся названий планет. Небезынтересными являются также наблюдения о бытовании „естественнонаучных“ компиляций типа Физиолога и Христианской Топографии и их влияние на Толковую Палею и Златую Матицу, что со своей стороны способствовало включению „естественнонаучных“ текстов в энциклопедические сборники XV в. (с. 198–213).

Специальное внимание Е. Г. Водолазкин уделяет чудесному. Он выделяет три типа чудесного и соотносит их с классификацией Жака ле Гоффа, которая, на его взгляд, вполне соотносима со средневековым русским. В связи с чудесным в монографии нашел место и весьма любопытный раздел „Монстры русской хронографии“ (с. 213–232). Однако, несмотря на сделанные автором оговорки, остаются непонятными выписки о монстрах из Хронографа 1617 г., хронологически выходящий за рамки исследуемого периода. Надо полагать, что связь такова: тема о странных существах имела развитие в западных хрониках, отсюда она вошла в позднюю русскую хронографию и явилась типологическим развитием тех зачатков в ранней русской хронографии, которые были унаследованы от византийских хроник. В монографии часто проводятся параллели между древнерусскими хронографами и их западноевропейскими аналогами, что объясняется их общей основой. Поскольку древнерусские хронографы являются порождением византийской хроники с одной стороны, а с другой западноевропейские хроники ориентировались, по большому счету, на те же византийские образцы, то и типологические сходства обоих имеют общие корни. Это имплицитно заложено в тексте Е. Г. Водолазкина, но нигде не сформулировано в качестве вывода.

Заканчивается эта часть текстологическим анализом Пророчества Соломона (далее ПС). Е. Г. Водолазкин придерживается взгляда, что ПС является возможным продолжением ТП. Взяв за основу предыдущие исследования этого памятника, автор вносит ряд ценных уточнений.

⁷ Там же.

Он относит возникновение текста к северо-западу Руси, а не к западным русским землям, как считалось до сих пор. Особенно важно указание что следует считать концом ПС. Из этого небольшого, но очень полезного раздела видно, что у автора особое отношение к этому памятнику.

В Заключении (с. 247–251) Е. Г. Водолазкин выносит метафизические рассуждения о специфике средневекового исторического повествования. Этим он, как бы, ставит свое исследование в рамки современной литературно-семиотической парадигмы. В самом исследовании автор всюду пытался посмотреть на текст изнутри, из среды его бытования, что делает книгу, в известной степени, особой в своем роде.

И под конец, но не на последнем месте, нужно сказать, что книга оснащена множеством приложений, помогающих читателю наглядно разобраться в той сложной материи, объектом которой является данное исследование. Центральное место среди них занимает издание текста ПС. Издание выполнено в лучших традициях Петербургской текстологической школы. Текст издан по пяти известным спискам.

Особенно полезны указания на библейские цитаты в тексте ПС.

В качестве явных недостатков книги отмечу только отсутствие византийских истоков как основа русской хронографии.

В конце укажу на некоторые технические неточности и опечатки. На с. 175–176 цитаты из ПП и ТХ не соотнесены с соответствующим текстом из издания В. М. Истрина или же греческого текста ХА. В случаях, где автор приводит примеры из ЕЛ–1, он не указывает на лист рукописи (с. 179). На с. 184, строка 9 написано „Константина VI“, а речь повидимому идет о Константине V.

Завершая эти заметки, лишний раз отмечу, что монография Е. Г. Водолазкина является весьма серьезным исследованием, уважающим широтой анализируемого материала, глубиной выводов и умением объединить в одну рамку разные по жанру и объему части средневекового исторического повествования. Идея комплексного изучения хронографического и палеяного направлений дала прекрасные плоды и в будущем предложенная автором схема может превратиться в одну из предпочтительных моделей для подобного рода исследований.